ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 6 1955

В. Г. ОРЛОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ

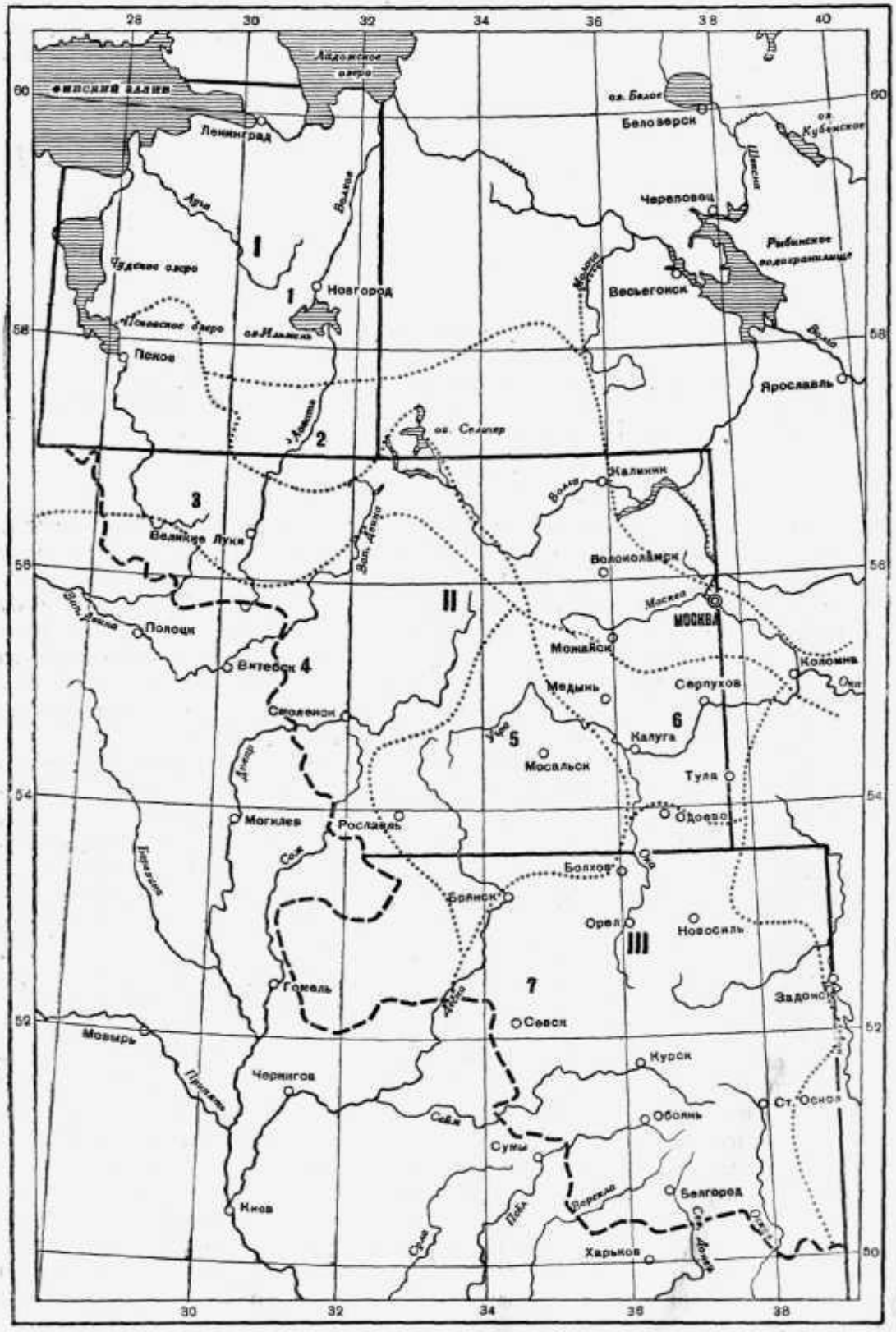
За все время работы над диалектологическими атласами русского языка, которая наиболее интенсивно шла в послевоенный период, в частности после лингвистической дискуссии 1950 г., в Институте языкознания составлены «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (сдан в печать) и «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР» (сдан в печать), а также значительно продвинуто составление карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР» (см. ниже карту № 1).

На картах двух последних атласов (общее количество этих карт в настоящее время уже довольно значительно) представлена территория основной части южновеликорусского наречия, а именно, по терминологии «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе»[1],— территория южной или орловской и северо-западной или тульской групп этого наречия. Кроме того, на территории, картографированной в этих же атласах, расположены группы говоров, так или иначе генетически связанных, по мнению авторов «Опыта», с южновеликорусским наречием. Это так называемые переходные говоры от белорусских к южновеликорусским и среднерусские говоры, переходные от северновеликорусских к южновеликорусским.

Представление о том, какое продолжение имеют за пределами южновеликорусского наречия некоторые из изоглосс, характерных для той или иной части этого наречия, можно получить, прежде всего используя карты тех же двух атласов, поскольку на них же отражены говоры, ранее считавшиеся собственно белорусскими, а также говоры, переходные от северновеликорусских к белорусским. Кроме того, для целостного изучения характера тех или иных изоглосс, частично проходящих по территории южновеликорусского наречия, могут быть привлечены с пользой для понимания общих закономерностей распространения того или иного явления также карты упомянутого выше «Атласа русских народных говоров северо-западных областей».

Карты всех трех атласов и представленные на них изоглоссы ряда фонетических и морфологических явлений (лексические и синтаксические карты анализу в указанных направлениях еще не подвергались) дают материал для предварительной постановки некоторых вопросов, связанных с груп-

[1] См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915.



Карта № 1

1. Римскими цифрами отмечены территории, картографированные в трех атласах русских народных говоров, карты которых используются в данной статье: I. «Атлас русских народных говоров северо-западных областей СССР»; II. «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы»; III. «Атлас русских народных говоров юго-западных областей РСФСР». 2. Пунктиром показаны границы отдельных групп говоров (по «Опыту диалектологической карты»), находящихся на тех же территориях. См. с севера на юг: 1) западная или новгородская группа северновеликорусского наречия; 2) средневеликорусские говоры с южновеликорусским населением; 3) средневеликорусские говоры с белорусским населением; 4) белорусские говоры; 5) говоры, переходные от белорусских к южновеликорусским; 6) тульская или северо-западная группа южновеликорусского наречия; 7) южная или орловская группа южновеликорусского наречия.

пировкой говоров в пределах южновеликорусского наречия. Более полное рассмотрение подобных вопросов станет возможным тогда, когда будут составлены все карты названных атласов.

Само собой разумеется, что выявление совпадающих в известной мере друг с другом изоглосс тех или иных явлений с целью уточнения наших представлений о классификации современных говоров, представляет собой лишь одну — и притом самую первоначальную — ступень в деле общей интерпретации изоглосс. Подобная интерпретация должна быть направлена, после установления определенных пучков приближающихся друг к другу изоглосс, на рассмотрение ряда вопросов, связанных с историей самих этих явлений (время и место их первоначального возникновения, характер последующего распространения), а также с историей говоров, для которых характерно то или иное наиболее устойчивое сосуществование определенных языковых черт.

Разрешение последней группы вопросов теснейшим образом связывается с собственно историческими данными, так как именно по этой линии история языка связана с историей народа. Общность, наблюдаемая в распространении языковых явлений, в первую очередь определяется исторической судьбой групп населения, пользовавшихся определенными местными разновидностями языка.

Данная статья посвящается (правда, в сугубо предварительном плане) рассмотрению в основном той первоначальной возможной группировки некоторых изоглосс, которая может дать нам основания для некоторых суждений по вопросам, касающимся классификации южновеликорусских говоров. Некоторые беглые замечания и отдельные соображения о времени и месте возникновения отдельных явлений и о направлениях, в которых могло идти распространение этих явлений, будут сделаны в этой статье лишь от случая к случаю и отнюдь не носят окончательного характера.

Уже общий обзор ряда наиболее типичных и повторяющихся изоглосс, особенно когда мы получаем возможность благодаря наличию карт нескольких атласов рассматривать эти изоглоссы на большом протяжении, свидетельствует о том, насколько сложной будет их дальнейшая интерпретация. Несмотря на то, что основные диалектные различия русского языка сложились безусловно в донациональный период его существования и развития, мы находим весьма сложное и далеко не непосредственное соответствие территории распространения отдельных языковых явлений этническим и политическим объединениям древней Руси (границам распространения племен, земель и княжеств)[1].

Это объясняется тем, что и в период возникновения тех или иных явлений их распространение протекало в зависимости не от границ определенных политических объединений, нередко являвшихся весьма зыбкими и изменчивыми, а от расположения границ языкового общения. Последние складывались на основе гораздо более сложного комплекса причин.

Еще более сложными были процессы последующего распространения или, наоборот, стирания тех или иных явлений, в результате которых оформились современные границы их распространения. Процессы этого рода находились в зависимости как от исторических условий внеязыкового

[1] На основании анализа карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» уже отмечалась вся сложность отношений представленных между изоглоссами отдельных явлений, а тем более между «пучками изоглосс» и границами исторически существовавших на территории восточных славян «земель» и княжеств. (Ср. Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2.)

характера, по-разному складывавшихся на различных территориях Русского государства в национальный период, так и от собственно языковых предпосылок: от устойчивости или неустойчивости той или иной черты, ее продуктивности или непродуктивности.

В связи с этим наличие «пучков изоглосс», о котором мы говорим, имея в виду случаи, когда границы нескольких явлений близко подходят друг к другу, далеко не всегда является свидетельством одновременного развития определенных явлений. Лишь изучение того, как шло распространение или, наоборот, сокращение территории, занимаемой каким-либо явлением на протяжении его истории, может дать полную уверенность в том, что в данный «пучок изоглосс» действительно включены явления одного хронологического плана.

Вот почему более широкой и исчерпывающей интерпретации изоглосс наших атласов будет посвящено в дальнейшем немало специальных монографий как более частного, так и более общего характера. Это работа, которая требует, чтобы последовательно были сняты определенные пласты в истории существования и распространения явлений, а также выяснена в полной мере внутренняя природа самих этих явлений.

Общая характеристика южновеликорусского наречия в «Опыте диалектологической карты» включала в себя, как известно, указания на аканье и яканье, произношение ударяемого *ѣ* как *е*, фрикативное произношение *γ*, отсутствие смешения *ч'* и *ц*, твердое произношение долгих шипящих *ш̄* и *ж̄*, употребление творительного падежа множественного числа существительных с окончанием *-ми*, родительного и винительного падежей единственного числа местоимений на *-е*, мягкого *т'* в 3-м лице глаголов. При дальнейшей классификации говоров этого наречия во внимание принимался характер яканья (диссимилятивного или недиссимилятивного) и характер произношения звука *в*, причем диссимилятивное яканье предполагалось лишь для орловской группы; для тульской группы было указано яканье умеренное, а для восточной — сильное.

В эту характеристику, в целом отвечавшую своему назначению, Н. Н. Дурново внес в свое время некоторые, но весьма существенные поправки[1]. В настоящее время в нее могут быть внесены еще более определенные коррективы, необходимость которых определяется, в частности, и тем, что в приведенную характеристику включались разновременные по своему генезису черты, что уже позволяло предполагать их неодинаковое распространение.

Так, например, безоговорочное указание на совпадение *ѣ* и *е* в современных южновеликорусских говорах не подтверждается современными диалектными данными. Это изменение, имевшее место в ряде восточнославянских говоров еще до образования восточнославянских народностей, на территории южновеликорусского наречия развивалось, видимо, в не столь уж давнее время. Об этом свидетельствует тот факт, что говоры, знающие произношение особых звуков (*ê* и *u͡e*) в соответствии с древним *ѣ*, неоднократно отмечены нашими экспедициями на данной территории. Важно также подчеркнуть преимущественное распространение этих говоров в юго-восточной части Курской области, где наиболее последовательно сохраняются также архаические типы диссимилятивного яканья и аканья, в частности обоянский тип с характерным для него различением двух *é* и двух *о* под ударением[2].

---

[1] См. Н. Дурново, Введение в историю русского языка, ч. I, Brno, 1927, стр. 122—140.

[2] Соответствующие данные по этому вопросу см.: Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южнорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.

На большей части территории южновеликорусского наречия в настоящее время распространены такие типы диссимилятивного яканья (суджанский, щигровский, жиздринский), которые принято считать развившимися в результате трансформации более архаических типов яканья. Как известно, для этих более поздних типов диссимилятивного яканья характерны отношения, связанные с утратой различения двух *е* и двух *о*; в связи с этим становится понятным, почему говоры с особым произношением звуков, соответствующих древнему *ѣ*, или звуков, соответствующих *о* под восходящим ударением, убывают в западном направлении.

Нет основания считать твердое произношение долгих шипящих характерным южновеликорусским признаком; на этой территории значительное распространение имеет также и произношение долгих мягких шипящих. Данные о распространении такого важнейшего признака южновеликорусского наречия, как аканье в широком смысле слова (аканье и яканье), не могли еще быть использованы составителями «Опыта» в полной мере, так как в то время не было достаточно детальных сведений об отдельных разновидностях аканья и яканья. На основании границы диссимилятивного аканья, установленной И. Г. Голановым, выделялась лишь западная часть южновеликорусского наречия[1].

Современные материалы показывают, что диссимилятивное аканье является характерным объединяющим признаком значительной части южновеликорусских говоров, в характеристику которых оно ранее не включалось. Составители «Опыта» считали диссимилятивное аканье признаком или собственно белорусских говоров или говоров, так или иначе связанных с белорусским языком, например так называемых «переходных от белорусского к южновеликорусским».

Отметим прежде всего, что диссимилятивное аканье распространено, судя по современным данным, на территории южновеликорусских говоров орловской группы, в число характерных признаков которых оно ранее не включалось. Кроме того, подчеркнем, что изоглосса диссимилятивного аканья не является, по данным составленных атласов, замкнутой на востоке; это позволяет предположить во всяком случае некоторое распространение данной характерной особенности предударного вокализма после твердых согласных и далее на восток, на территорию рязанской группы. Таким образом, зная распространение диссимилятивного аканья, мы получаем возможность противопоставить всю основную территорию южновеликорусского наречия его тульской группе, где диссимилятивное аканье отсутствует.

К границе диссимилятивного аканья очень близка и граница диссимилятивного яканья. При нанесении этой границы учитывались любые встретившиеся на данной территории типы яканья, а именно: обоянский, щигровский, суджанский, жиздринский, диссимилятивно-умеренный, умеренно-диссимилятивный, ассимилятивно-диссимилятивный. По распространению диссимилятивного яканья говоры тульской группы также выключаются из состава южновеликорусского наречия; граница этого явления (по данным составленных в настоящее время атласов) опять-таки не замыкается на востоке. Следовательно, и в этом случае есть основания для того чтобы предположить, что диссимилятивное яканье распространено далее на восток; это известно, впрочем, и по опубликованным материалам, относящимся к территории рязанской группы южновеликорусского наречия, а также по картам «Атласа центральных областей к вос-

[1] См. И. Голанов, О диссимилятивном аканье, «Труды Моск. диалектолог. комиссии», вып. 3, Варшава, 1914; его же, Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья, сб. ОРЯС, т. CI, № 3, 1928.

току от Москвы», фиксирующим значительное распространение говоров с диссимилятивным яканьем на территории Рязанской области[1].

Таким образом, современные данные не подтверждают имеющегося в «Опыте» указания на сильное яканье как на характерный общий признак говоров рязанской группы. Диссимилятивное аканье, как и диссимилятивное яканье, становятся признаками, объединяющими большую часть южновеликорусских говоров и противопоставляющими их говорам тульской группы. Как известно, своеобразие тульских говоров по сравнению с другими южновеликорусскими, а именно — распространение в них умеренного яканья в сочетании с некоторыми другими языковыми чертами, отмеченными уже и в «Опыте», привлекало внимание наших диалектологов и вело к постановке вопроса об особых процессах, имевших место в формировании этих говоров[2]. Возможность противопоставления говоров тульской группы другим южновеликорусским говорам, вместе взятым, еще и по признаку распространения только в пределах тульской группы недиссимилятивного аканья, дает новый материал для разрешения общей проблемы генезиса этих говоров.

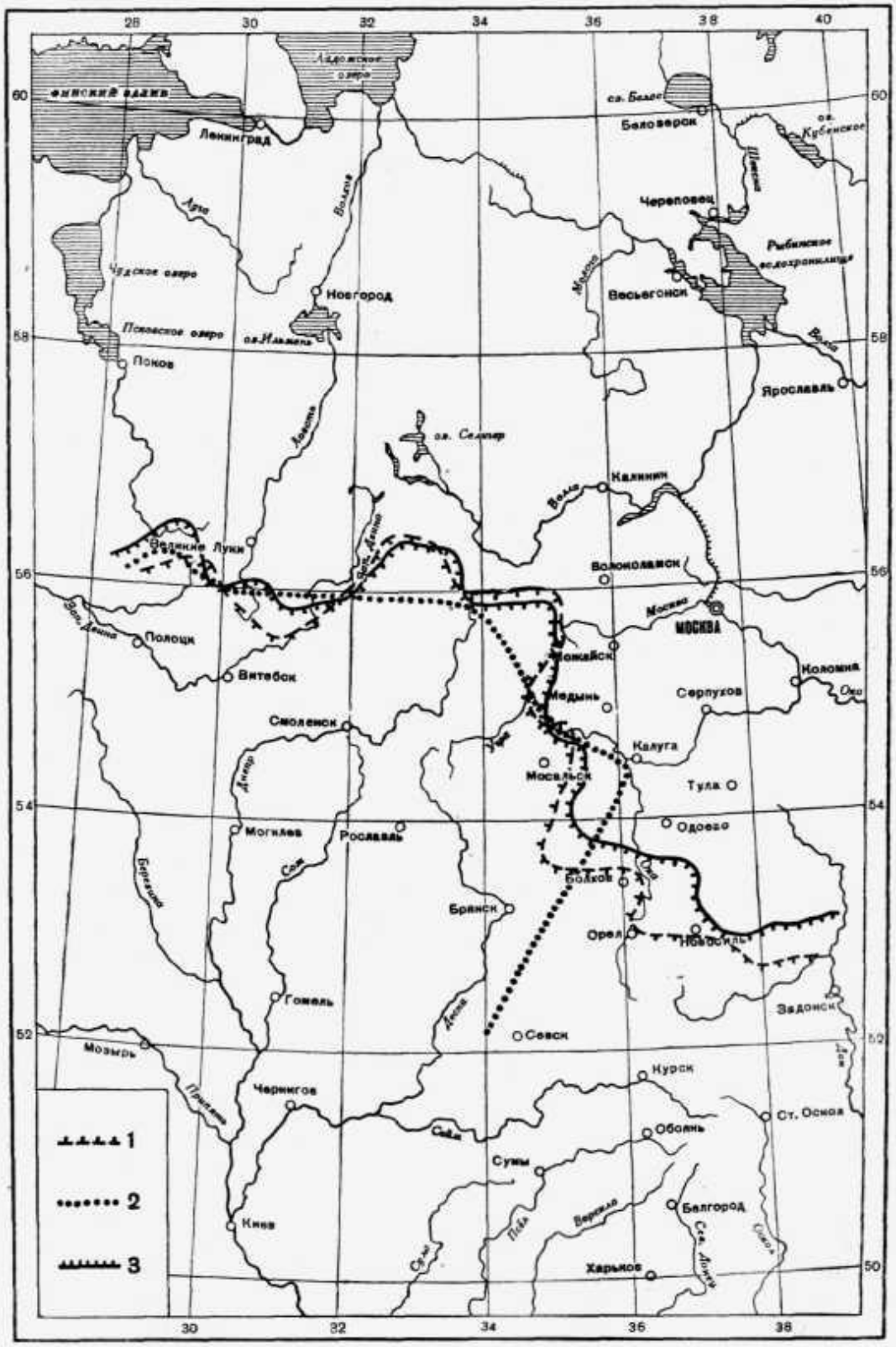
Кроме того, северный отрезок изоглоссы диссимилятивного аканья и яканья дает возможность отграничить южновеликорусские говоры от говоров средневеликорусских, в формировании которых участвовал и южновеликорусский элемент. Указание на аканье и яканье без уточнения того, являются ли эти системы вокализма диссимилятивными или недиссимилятивными, как известно, не служило для подобного разграничения, а объединяло южновеликорусские говоры с соседними с севера средневеликорусскими.

Обращает на себя внимание наличие на территории ряда южновеликорусских говоров и еще некоторых явлений, по распространению которых также можно объединить большинство южновеликорусских говоров и противопоставить их в той или иной степени говорам тульской группы, где эти явления отсутствуют. Это такие явления, как губно-губное произношение *в* в конце слова и слога, сохранение *е* без перехода в *о* в глагольной флексии, сохранение *е* без перехода в *о* в отдельных случаях и в основах слов, окончание *-ογο*, *-ого*, *-оо* в родительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода.

Карта № 3 показывает, что такие особенности, как распространение окончаний *-ογο*, *-оо* или глаголов с *е*, не изменившимся в *о*, отсутствуют не только на территории тульской группы, но и на прилегающих к ней с запада, а особенно с юга территориях. В связи с этим следует вспомнить, что произношение гласного *о* в глагольных формах (*н'ес'о́м*, *н'ес'о́ш*, *н'ес'о́т'е*) и форм прилагательных с окончанием *-ово*, характерное для говоров тульской группы, одновременно характерно и для нормализованного типа языка. Распространение этих языковых явлений в среде южновеликорусских говоров, не относящихся к тульской группе, но находящихся в непосредственном соседстве с говорами этой группы, видимо, свидетельствует о том, что влияние норма-

[1] См. карты, приводимые в статьях Р. И. Аванесова «Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей» (стр. 169, карта № 2) и «Лингвистическая география и история русского языка» (ВЯ, 1952, № 6, стр. 32, карта № 4).

[2] Так, Н. Н. Дурново в упомянутом выше «Введении» характеризует тульскую группу как «менее архаичную и менее цельную» по сравнению с другими группами южновеликорусского наречия (см. стр. 136). Р. И. Аванесов еще более определенно подчеркивает, что «говоры тульской группы не являются „чистыми" южновеликорусскими», что «перед нами, в сущности, средневеликорусские говоры с южновеликорусской „основой" и средневеликорусским „наслоением"» («Вопросы образования русского языка в его говорах», «Вестник Моск. ун-та», 1947, № 9, стр. 141).



Карта № 2

1. Граница диссимилятивного аканья [1]. 2. Граница диссимилятивного аканья по И. Г. Голанову. 3. Граница диссимилятивного яканья.

[1] На публикуемых в данной статье картах-схемах даны обобщенные границы распространения некоторых языковых явлений; на картах соответствующих атласов эти явления картографированы путем постановки знаков у каждого отдельного населенного пункта. Лишь в отдельных случаях, когда это необходимо по ходу изложения, специально оговаривается более разреженное распространение явлений на одной части территории и более сгущенное на другой; в остальных случаях дается, таким образом, лишь самое общее представление о распространении явления.

лизованного типа языка нередко оказывается наиболее интенсивным на тех территориях, где оно поддержано также междиалектным взаимодействием.

Случаи неперехода *е>о* в основах слов (*св'екла*, *св'екор*, *кот'енок* и т. п.), не показанные специально на карте № 3, встречаются в современных южновеликорусских говорах спорадически, но все же, и это необходимо подчеркнуть, в достаточно различной, не повторяющейся из говора в говор лексике, что дает возможность предположить более долгое сохранение *е* без перехода в *о* в собственно южновеликорусских говорах. Важно также подчеркнуть, что распространение реликтов этого явления в общем не выходит за пределы границ, представленных на карте № 3, и, таким образом, не является характерным для говоров тульской группы южновеликорусского наречия.

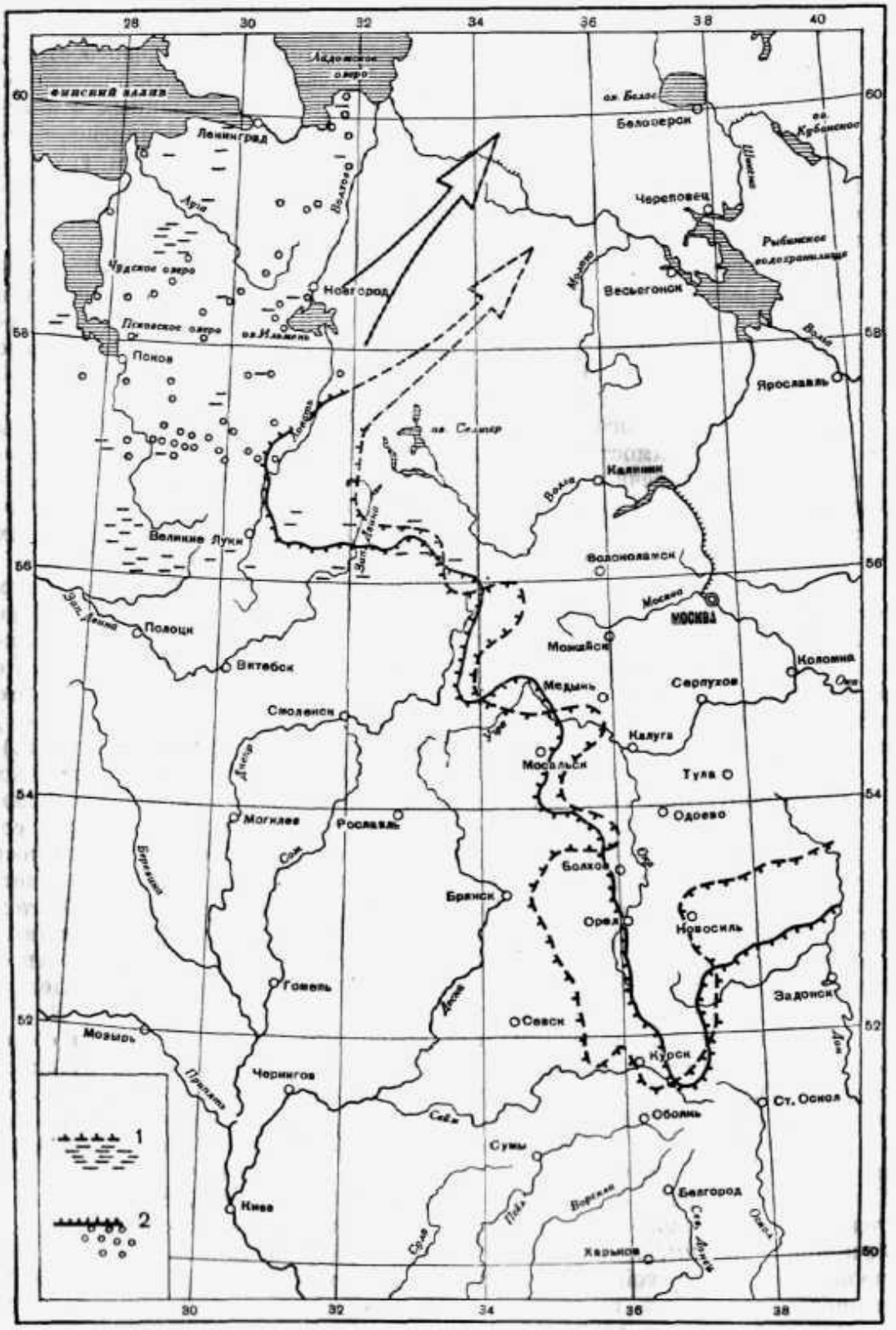
Что же касается губно-губного произношения *в* (*лаўка*, *праўда*, *дроў*), то изоглосса этого явления захватывает и южную часть говоров тульской группы, на территории которых употребление губно-губного *в* оказывается, таким образом, известным. Однако необходимо подчеркнуть, что здесь такое произношение гораздо чаще перемежается с употреблением *в* губно-зубного, чем в других частях южновеликорусской территории. Подобное положение с распространением губно-губного *в*, может быть, позволяет предположить, что в прошлом тульская группа южновеликорусского наречия и не отличалась по данной языковой черте от остальных его групп.

Губно-губное произношение *в*, сохранение *е* без перехода в *о* в глагольной флексии, а также в отдельных случаях в основах слов и употребление окончаний прилагательных типа *-ого*, *-оγо*, *-оо* (т. е. не со звуком *в*) служит, таким образом, примерно для такого же выделения из состава южновеликорусского наречия говоров тульской группы, как и диссимилятивное аканье и яканье. Однако существенной особенностью территориального распространения этих четырех черт в отличие от диссимилятивного аканья и яканья является то, что они распространены и севернее пределов южновеликорусского наречия (см. карту № 3). Так, в разреженном виде они известны на территории западной или новгородской группы северновеликорусского наречия; на территории северновеликорусских говоров нашего северо-востока эти черты, как можно судить по имеющимся опубликованным и архивным источникам, распространены достаточно широко.

Для дальнейшей интерпретации приведенных данных при рассмотрении вопросов исторической диалектологии важно, видимо, будет учитывать, что эти явления, представляющие собой сохранение определенных черт языкового строя в более архаическом состоянии, объединяют основной массив южновеликорусского наречия именно с той частью северновеликорусских говоров, которая генетически восходит к говорам древней новгородской земли.

Вместе с тем, подходя к вопросу со стороны использования определенных языковых черт в целях классификации русских народных говоров, мы можем объединить диссимилятивное аканье, яканье, с одной стороны, и губно-губное произношение *в*, неперехода *е>о* двух названных выше типов и употребление окончаний прилагательных типа *-ого*, *-оγо*, *-оо*, с другой, как черты, на основании которых можно южновеликорусские говоры различных групп и типов противопоставить одной, а именно тульской группе, включаемой все же до сих пор в состав южновеликорусского наречия.

Анализ и обобщение тех фонетических и морфологических карт, которые будут составляться по нашим южным атласам в дальнейшем,



Карта № 3

1. Распространение окончаний *-ого, -ово, -оо* в родительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода. 2. Произношение *е* без перехода в *о* в глагольной флексии. Штрихами отмечено примерное расположение населенных пунктов в той части территории, где наблюдается особенно разреженное распространение картографированных явлений.

а также анализ карт, относящихся к другим сторонам языкового строя, несомненно выявит еще и другие черты, имеющие охарактеризованное выше двоякое значение при рассмотрении вопросов, связанных с классификацией южновеликорусских говоров. Это черты, объединяющие все южновеликорусские говоры, за исключением говоров тульской группы, одни из которых оказываются собственно южновеликорусскими, а другие объединяют также южновеликорусские говоры с северновеликорусскими говорами новгородского происхождения.

Другую группу изоглосс, которую, очевидно, следует особым образом интерпретировать при классификации южновеликорусского наречия по современным данным, представляют явления, распространенные преимущественно в пределах его западной части. В связи с этим данные явления чужды не только южновеликорусским говорам тульской группы, но также и говорам восточной или рязанской группы.

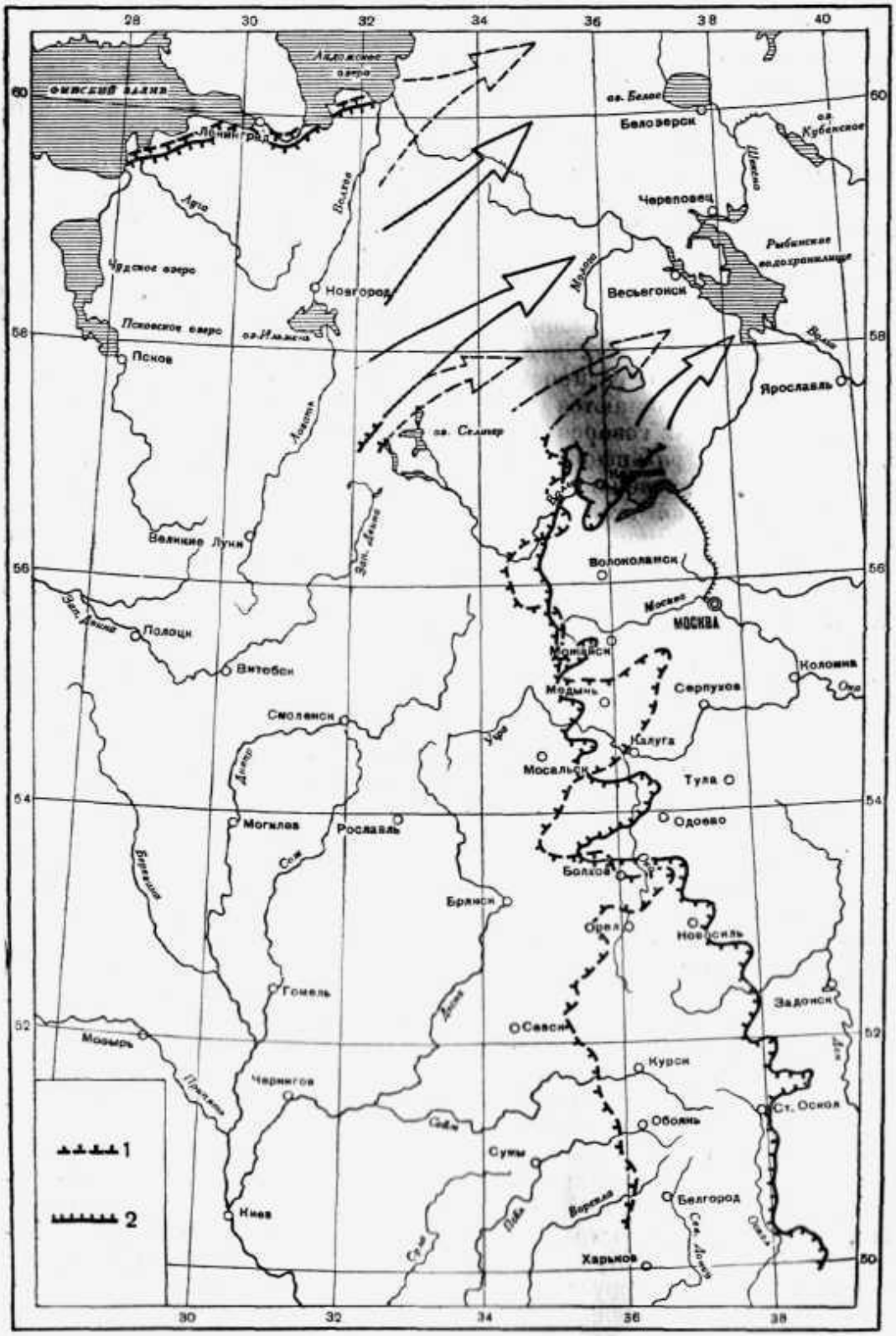
Среди явлений этого рода мы должны будем отметить две подгруппы не столько в зависимости от их распространения в пределах самого южновеликорусского наречия, где они в равной мере имеют западную локализацию, сколько в зависимости от их территориального размещения в пределах русского языка в целом и, в частности, в зависимости от их распространения в северном направлении.

К первой подгруппе относятся: твердое произношение конечных губных согласных в соответствии с мягким произношением в нормализованном типе языка и ряде других говоров (*сем*, *голуп*, *кроў* или *кроф* и т. п.), различение твердых *ч* и *ц* (в одних говорах, более северных, сочетающееся с реликтами цоканья, в других — нет), употребление формы именительного падежа множественного числа местоимения 3-го лица *оны*, наличие *j* перед начальным гласным местоимений 3-го лица (*йон*, *йана*, *йаны* и т. п.).

Явления этой подгруппы (см. карту), характерные только для западных южновеликорусских говоров, распространены также и севернее, на территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», причем распространение этих явлений оказалось здесь почти повсеместным, в связи с чем мы и не видим на карте соответствующей изоглоссы в данной части территории. Кроме того, как об этом можно судить на основании имеющихся архивных и опубликованных данных, эти явления и вообще характерны для говоров новгородской группы, но имеют менее широкое распространение на востоке, в вологодских и архангельских говорах.

По отношению к явлениям этой подгруппы, представляющим собой определенные новообразования в истории фонетического строя русского языка, может быть, допустимым является то предположение, что они возникли на нашем северо-западе в период до обособления территории Литовской Руси. Об этом свидетельствует факт распространения этих явлений, кроме северо-запада, также и в более южном направлении. Поздние новгородские новообразования, как, например, совпадение дательного-творительного падежей множественного числа или изменение сочетания *дн*>*нн*, подобного распространения в южном направлении не получают. С другой стороны, распространение этих явлений в пределах южновеликорусских говоров явно имело место уже после того, как определенная более западная часть этих говоров отделилась от более восточной части, что было опять-таки связано с обособлением юго-западной части южных говоров в связи с их вхождением в состав Литовского государства.

Большое значение для понимания закономерности территориального распространения названных выше языковых явлений имеют, таким образом, процессы, связанные с образованием Литовского государства.



Карта № 4

1. Распространение формы **именительного** падежа множественного числа местоимения **3-го лица** оканье. 2. Распространение **твердых губных** в соответствии с **мягкими** в конце слова.

Роль этих процессов подчеркивал в свое время А. А. Шахматов: «Южновеликорусские говоры — это первоначальные юго-восточные говоры: среди них следует различать: во-первых, раньше других примкнувшее к говорам северо-восточным московское наречие, во-вторых, говоры, не входившие в состав литовско-русского союза, напр. рязанские, в-третьих, говоры, входившие в XIII, XIV, XV вв. в состав означенного союза.

Среди последних надо различать группы говоров смоленских, группы говоров черниговских, группы говоров орловских, калужских, тульских. Тщательное исследование всех этих говоров, в связи с изучением говоров белорусских, укажет, вероятно, звуковые, их различающие, особенности и определит первоначальную группировку юго-восточных говоров»[1].

Вторая подгруппа языковых явлений западного типа отличается от первой тем, что для этих явлений не отмечают, как правило, сколько-нибудь интенсивного распространения их в северном направлении, в связи с чем они остаются характерными только для западной части южновеликорусских говоров в отличие как от их более восточной части (т. е. тульской и рязанской групп южновеликорусского наречия), так и от соседних севернавеликорусских говоров.

К числу явлений этой подгруппы в настоящее время оказывается возможным отнести показанное на карте употребление протетического *в* перед гласными *о* и *у* в начале слова (*восень, вутка* и т. п.); произношение *ў* в соответствии с *л* (в конце слова преимущественно в глаголах *знаў, бываў* и т. п.; в середине слова — в случаях типа *паўка* и в случаях типа *воўк*).

К этой же подгруппе явлений относится и употребление сочетаний *ый, эй* в случаях типа *мою, рою, крою*[2], отсутствие изменения *е* > *о* перед шипящими (*дéшево, одéжа*) и тем самым, возможно, более долгое сохранение мягкости шипящими согласными, склонение существительного *мышь* по типу существительных мужского рода (*мышь, мыша, мышу...*), распространение указательных местоимений женского рода типа *тáйа, тайá, тыйа* и мужского рода *той, тэй, тый*.

Перечисленные явления распространены на территории западной части южновеликорусского наречия в различной степени. Граница употребления протетического *в* перед начальными гласными *о* и *у* почти совпадает с границей, отделяющей тульские и рязанские говоры от западной части южновеликорусского наречия. На основании границ произношения *ў* в соответствии с *л* или произношения *е* в случаях типа *дешево, лепешка* на западе выделяется более узкая территория (см. карту).

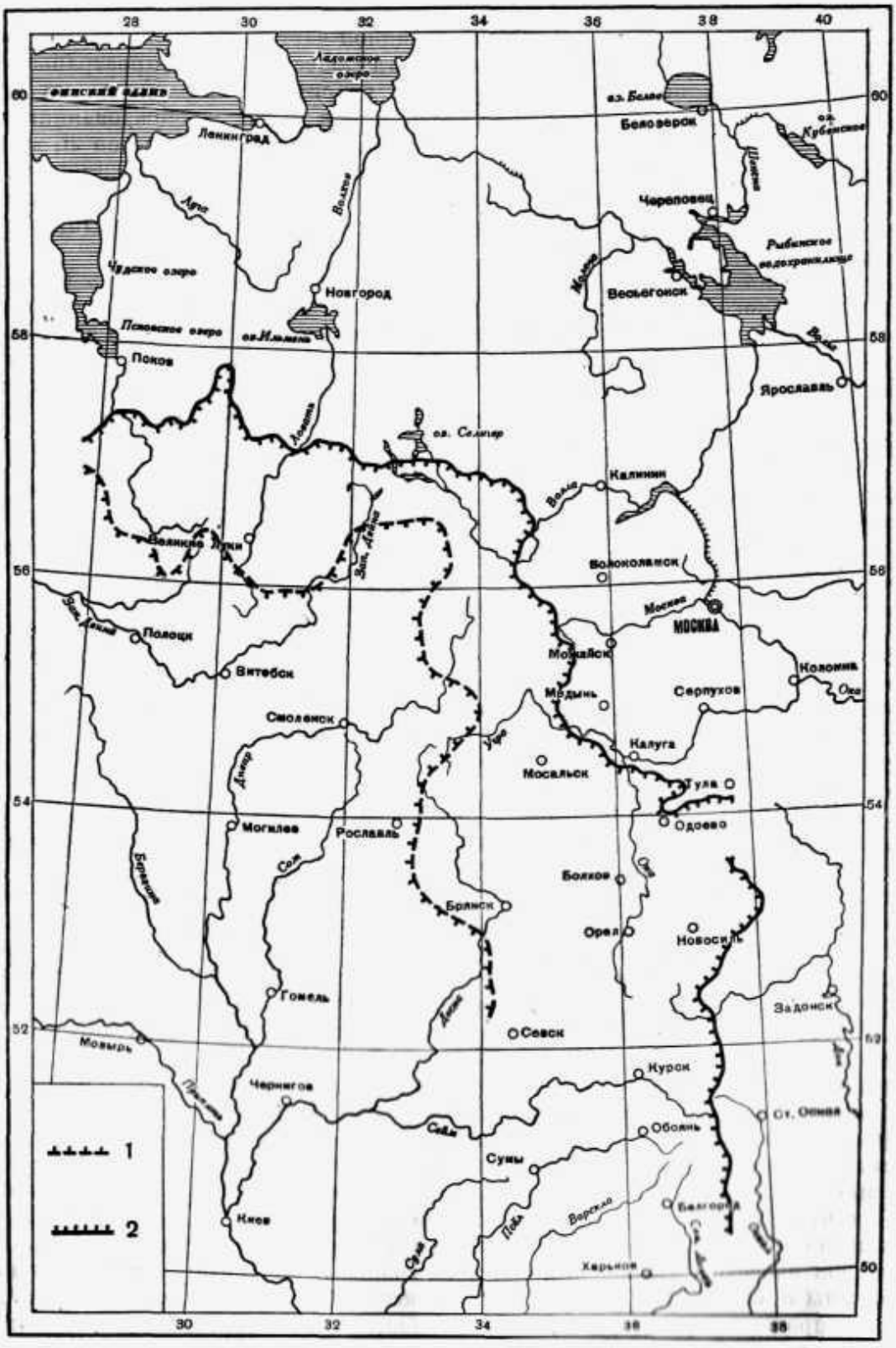
Границы некоторых других явлений, как, например, употребление сочетаний *-ый, -эй* или склонение существительного *мышь* по типу слов мужского рода, распространение местоимений типа *тайа, тыйа* или *той, тэй*, проходят между двумя охарактеризованными выше изоглоссами.

Отличительной особенностью западных явлений второй подгруппы является то, что они не имеют значительного распространения в северном направлении, за пределами северной границы южновеликорусского наречия. Некоторое распространение отдельных из этих явлений к северу (как, например, распространение протетического *в*) легко может объясняться более поздними процессами, относящимися к периоду общего продвижения южновеликорусских языковых особенностей на север при формировании средневеликорусских говоров.

На основании анализа территориального распространения явлений, которые выделены нами как явления, имеющие западную локализацию, и отнесены ко второй подгруппе, можно высказать предположение

[1] А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий, РФВ, 1894, т. XXXII, № 3, стр. 10—11.

[2] Параллельное сочетание *ий* встречается на той же территории значительно реже.



Карта № 5

1. Распространение *ў* в соответствии с *л* в середине и на конце слова. 2. Распространение протетического *в* перед гласными *о* и *у* в начале слова.

985

о том, что они развились в пределах западной части южновеликорусского наречия примерно в тот же период, когда здесь шло распространение явлений первой подгруппы, может быть возникших первоначально на северо-западе. Исторически эти явления могли быть новообразованиями, возникшими в восточнославянских говорах, входивших в состав Литовской Руси, поскольку тут имели место процессы временного сплочения различных восточнославянских говоров (как будущих белорусских, так и будущих русских), ранее входивших в другие политические объединения и включавшихся в другие сферы языкового общения.

Оказывается также возможным рассматривать западную часть южновеликорусского наречия, независимо от намеченного в «Опыте» внутреннего членения говоров этой части, как определенный компактный диалектный массив говоров, в равной мере противопоставленных как тульской, так и рязанской группе говоров. Часть языковых черт указывает также на определенные связи данной группы говоров с говорами нашего северо-запада.

Можно при этом допустить, что некоторые языковые черты западного типа по-разному распространялись в более позднее время — в зависимости от различного рода причин — в восточном направлении. Этим может объясняться то обстоятельство, что явления, в общем имеющие западную локализацию, занимают, однако, территории различных размеров.

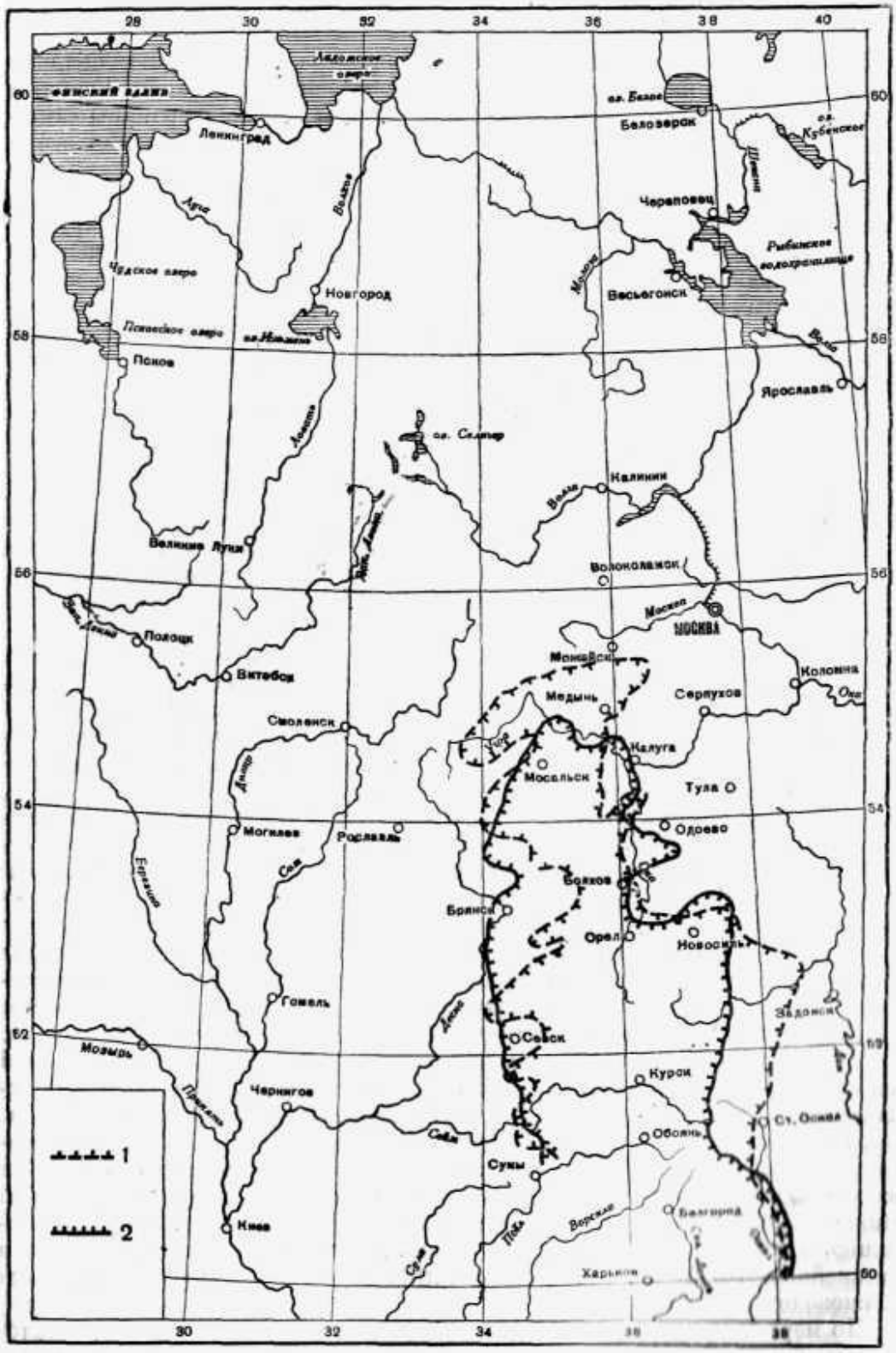
Все рассмотренные нами изоглоссы выделяют территорию явлений, в той или иной степени распространенных и западнее, в пределах белорусского языка. Полное представление об этой территории мы получим только после того, как будут составлены карты диалектологического атласа белорусского языка. Это будет иметь в ряде случаев очень большое значение при рассмотрении генезиса названных явлений, уточнении первоначального очага их возникновения и направлений, в которых шло их позднейшее распространение.

В данной статье мы не касаемся вопроса о явлениях, которые неширокой полосой или отдельными островками распространены вдоль западной границы «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР и территории Белоруссии». Для понимания их территориального распространения решающее значение имеют данные лингвистической географии белорусского языка, в пределах которого находится основная территория распространения некоторых из этих явлений.

Изучение территориального распространения как тех явлений, которые общи и русскому и белорусскому языкам, так и тех, которые имеют преимущественное распространение в пределах одного из этих языков, одно лишь даст возможность достаточно определенно высказаться по вопросу о границе между этими языками. Однако и сейчас карты составляемых атласов показывают, что эта граница не является резкой и достаточно определенной. Историческими предпосылками обусловлен тот факт, что мы имеем здесь неравномерное распространение ряда явлений, одни из которых шире распространены в белорусском языке и в разной степени известны южновеликорусским говорам, другие преимущественно связаны в своем распространении с южновеликорусскими говорами[1].

В пределах западной группы южновеликорусских говоров, только что охарактеризованной на основе ряда изоглосс, а именно — в ее восточной половине, мы встречаемся с определенным кругом явлений, распространение которых является узким. Эти явления не распространены

[1] Анализ этих исторических процессов см. в статье Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка и его говорах», стр. 134—136.



Карта № 6

1. Распространение случаев утраты затвора в аффрикатах ч' и ц. 2. Распространение произношения и как 'а в заударном конечном слоге в случаях типа *брига, вьина*.

сколько-нибудь ощутительно ни на запад — на территорию белорусского языка, ни на восток — на территорию говоров рязанской группы. Как правило, эти явления не достигают также и северной границы самого южновеликорусского наречия. Это как бы периферийные явления в пределах западной группы говоров.

Наиболее типичными являются здесь изоглоссы таких явлений, как утрата затвора аффрикатами *ч'* и *ц* (*ш'а́сто*, *нош'*, *дбш'ка*, *ку́р'иса*, *от'ес* и т. п.), мена *с* и *ц* в случаях типа *руцкий*, видимо, возникающая на основе совпадения *ц* и *с* при утрате затвора аффрикатой, диссимиляция согласных в случаях типа *дамно*, *рамно*, произношение *и* и *е* как *'а* в заударном закрытом слоге в определенных случаях (*бросял*, *выняс*). Более широкой, но в общем сходной по выделяемой ею территории является изоглосса суджанского типа яканья.

Пониманию того, когда и в каких условиях в пределах западной части южновеликорусского наречия могли развиться новообразования, в дальнейшем распространявшиеся на столь ограниченной территории, может помочь опять-таки представление о тех исторических условиях, которые имелись на восточной окраине Литовской Руси.

В XIV, XV, XVI вв. здесь, в частности в пределах так называемых «Верховских княжеств», фактически могла складываться своя достаточно обособленная сфера языкового общения. Эти княжества попеременно оказывались то под властью Литовского, то Московского государства, причем и в том и в другом случае являлись периферийными в их составе. Этим и определяется в конечном счете то обстоятельство, что известная группа местных языковых новообразований получает столь ограниченное распространение. Подобные, на такой узкой территории локализованные языковые особенности начинают подвергаться нивелировке под влиянием общенародного типа русского языка лишь в поздний национальный период, чем и объясняется то обстоятельство, что мы имеем возможность совершенно отчетливо фиксировать их и в настоящее время.

Изоглоссы явлений, локализованных в восточной части западной группы южновеликорусских говоров, выделяют здесь лишь известную подгруппу; для общей классификации южновеликорусского наречия они не играют той роли, какую играют перечисленные выше типы изоглосс; основные группы южновеликорусского наречия формировались на основе исторических процессов, приводивших к сплочению бо́льших групп населения.

Наиболее важными из рассмотренных выше изоглосс являются те, которые ведут нас к выделению из состава южновеликорусских наречий говоров так называемой тульской группы. Важны также данные, служащие для выделения западной группы южновеликорусского наречия, взятой в целом. При этом характерно наличие в западной группе южновеликорусских говоров таких черт, которые формировались в них на основе взаимодействия с говорами нашего северо-запада. Существенны также закономерности и характер распространения черт, которые развились в период сплочения тех говоров, одни из которых становятся в дальнейшем говорами белорусского, другие — говорами русского языка (южновеликорусскими).

По мере того как смыкаются территории составляемых нами диалектологических атласов русского языка, мы все больше убеждаемся в той роли, которую сыграют последние в деле разработки описательной и исторической диалектологии русского языка и истории русского языка в целом, в осуществлении глубокой и подлинной связи истории языка и истории народа, которой марксистское языкознание придает такое большое значение.